

Дмитрий Федюшин

Падение в реку Карцер

18+

Дмитрий Федюшин
Падение в реку Карцер

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Федюшин Д. Г.

Падение в реку Карцер / Д. Г. Федюшин — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Убийце, осужденному на смертную казнь, предлагают участие в эксперименте. Он попадает в «комнату желаний» – место, где можно исполнить любые свои фантазии, но только в рамках этой комнаты. Неизвестно, сколько это продлится, а после его отведут на высокий утес и сбросят в реку. Кажется, это шанс на последнее счастье перед скорой смертью. Но что будет с человеком, если дать ему возможность загадывать, что угодно?

Содержание

1	6
2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

В оформлении обложки использована фотография автора Stephane Judan «Winter is coming...» с <https://unsplash.com/>

1

– Как вы думаете, когда начнется падение?

– Откуда ж мне знать, – нехотя ответил я. – Да и как-то странно вы задаете вопрос. Когда сбросят со скалы, тогда и начнется.

Вопрошающий хмыкнул и погрузился в себя.

Мы сидели в массивных кожаных креслах, повернутых друг к другу на сорок пять градусов. Перед нами был роскошный камин, стилизованный под старину и покрытый замысловатыми узорами. В нем мерно горело пламя, почти как настоящее. Даже тепло и запах от него исходили. Я как-то видел подобный камин у одного богача. Они хороши тем, что избавляют хозяина от необходимости следить за огнем и подбрасывать дрова.

На каминной полке стояла необычная картина. Внизу на ней был изображен маленький человек, опутанный цепями. Концов этих цепей было много, и они тянулись вверх к различным предметам. К машине – серебристому кабриолету, к женщине в вечернем платье – гротескно прорисованной в профиль, с большой грудью и выпирающим задом. К домику в американском стиле, к логотипу в виде блестящей подковы, к трибуне для выступающего с речью (скорее всего это была трибуна). Было еще несколько предметов или символов мне непонятных. Цепи обвязывали каждый из них, как и человека. Но они находились сверху, а значит, могли характеризовать не только вещи, владеющие беднягой, но и стремление к ним. Фон внизу был темно-синий, почти черный, кверху же он светлел, наполняясь небесной голубизной.

Я не большой знаток живописи, но все же немного разбираюсь и мне показалось, что эта картина не на своем месте. По фильмам про старое время я помню, что обычно над камином вешали натюрморт, или лордов на охоте, или женщину в красивом наряде. В крайнем случае пейзаж, но в основном что-нибудь бытовое, олицетворяющее достаток и благополучие. Данная же картина словно была наперекор, насмехалась над всем этим.

– Просто я надеялся, может, вам намекнули – сколько вы здесь пробудете, – снова заговорил мой сокамерник.

Он явно хотел общения, видно, ему было в тягость сидеть в тишине. Но я не желал ни с кем болтать, особенно сейчас. Я покачал головой.

– Ясно... Мне тоже ничего не сказали, хоть я и спрашивал их прямо. А один на медосмотре даже пошутил – говорит «может час, а может год».

– Ну точно не год, – отозвался я.

– Да, держать нас тут целый год было бы глупо. Это ж кормить надо. Хотя могут и голодом поморить.

– Не думаю, – ответил я.

Сокатерник посмотрел на меня вопросительно. Его смокинг, хоть и сидел на нем как влитой, плохо сочетался с его щетинистым, землистым лицом.

– Вряд ли это входит в эксперимент, – продолжал я. – Мы же можем пожелать, чего угодно, так вот и еду можем получить – какую захотим.

Опять встрял в разговор. Так всегда, нет бы помолчать, пока собеседнику не дойдет, что я не хочу общаться. Но я очень легко вовлекаюсь.

– Да, наверно вы правы. – Мужчина в смокинге сложил руки на груди. – Я здесь уже почти два дня... Меня, кстати, Виктор зовут.

Я пожал его протянутую руку.

– Женя.

– Женя... – начал он доверительным тоном. – Можно на «ты»?

– Конечно, – автоматически ответил я.

– Скажи, как ты думаешь – что у них действительно на уме? Зачем давать перед смертью такие неограниченные возможности?

– Ну почему неограниченные? Мы не можем выйти за пределы этой комнаты. – Я поднял руку, указывая на стены в светло-зеленых обоях и белый потолок.

Помещение было обставлено шикарной старинной мебелью, которая вполне гармонировала с камином. Здесь не возникало ощущения, что ты в камере или больнице, скорее ты чувствовал себя персонажем фильма про викторианскую Англию.

– Да, но все-таки... – продолжал Виктор. – В чем смысл?

– Не знаю. – Я пожал плечами. – Но я уверен, что наша судьба никого не волнует, мы здесь пешки. Они утверждают, что это на благо человечества, но цифровые воротилы всегда так говорят. Думаю, ребята просто испытывают новую технологию, чтобы потом ее продавать. «Комната желаний»...

Я фыркнул и покачал головой. Затем добавил:

– Экспериментировать на обычных людях им, похоже, запретили, вот они и используют заключенных.

На некоторое время мы замолчали. Повисла густая тишина, она обволакивала меня, и я чувствовал себя спокойно. Не хотел ни о чем думать, но вдруг меня подстегнул интерес и я первый заговорил:

– Ты сказал, что здесь уже два дня. Пробовал какие-то желания?

Виктор оторвался от созерцания лацканов своего смокинга и посмотрел на меня с таинственной улыбкой.

– Пробовал. Но я не скажу – какие именно, это личное.

В таком довольном облике его, словно выточенное топором лицо можно назвать даже приятным. Маленькие глаза заговорщицки блестели из-под массивных надбровных дуг.

– Хотя вот одно ты видишь – этот смокинг. Захотел одеться под стать обстановке. И вообще, я всегда любил антиквариат.

– Да, я тоже, – кивнул я с улыбкой и огляделся. – Честно сказать, я удивился, что у них все так красиво обставлено. Кажется, что попал в прошлое.

Затем я присмотрелся к смокингу.

– Выглядит, как настоящий.

Виктор опустил взгляд на свою одежду.

– Он и есть настоящий. Вот, пощупай. – Он протянул мне рукав.

Я приподнялся с кресла и ощупал черную бархатистую материю. Никогда в жизни не трогал смокинг, но чувство реальности мне подсказывало, что это он самый.

– Да, – согласился я, опускаясь в кресло. – Но как им это удалось? То есть... доставить смокинг дело нехитрое, но откуда они знали, что ты именно его загадаешь? Быстро они справились?

– За пару минут. И он настоящий! Не важно, каким образом и из чего его сделали – пошили на фабрике или воссоздали с помощью компьютера. Важно, что он *есть*. Ты же знаешь, что понятия искусственности и подлинности в наш век сильно размыты. Подлинным становится то, что мы таковым считаем. И они действительно могут создать, что угодно. – Он многозначительно кивнул. – Поверь, я в этом убедился. А раз это так, то какая разница – как им это удастся. Впрочем, ты можешь сам проверить, загадай что-нибудь. Чего бы ты хотел?

– Женщину, – мигом отозвался я.

Этот ответ молниеносно пришел мне в голову, значит, он искренний.

– Так давай. Выбирай любую. – Виктор развел руками и удовлетворенно хихикнул.

Я представил всю широту возможностей – от бывшей жены и разных знакомых до актрис и знаменитостей. Правда, загадывать бывшую жену было бы глупо. Хоть, когда я вспоминал нашу близость, то временами все еще хотел ее, все-таки с ней я уже бывал в постели. Куда

ценнее новый опыт. Но, с другой стороны, кого бы я не пожелал, эти женщины будут *не настоящими*, кто бы что не говорил. И я тут же почувствую фальшь, потому что знал их лично. Тут не выйдет так просто, как с одеждой... Тогда разумнее всего переспать с актрисой, с ней я не замечу подмены.

– А где же будешь ты? – спросил я Виктора.

– Не знаю... Я могу посидеть в кресле, спиной к кровати. Обещаю не подглядывать. –

Он подмигнул.

Я встал и прошелся вдоль стены, у которой стоял деревянный комод с бронзовыми ручками в виде голов льва. Массивный и роскошный, но назначение его здесь непонятно.

Чуть в стороне от комода висела еще одна картина. На ней был со спины изображен человек, падающий в какой-то резервуар со стальными стенами, покрытыми ржавчиной. Металлические листы уходили вниз, за пределы видимости, и соединялись заклепками, как в древних строениях. Сверху, на краю резервуара, за забором стоял маленький силуэт человека с зонтиком. За ним в однородную массу сливались другие люди с черными зонтами. Все они смотрели на падающего. Вдали виднелись контуры высоких зданий такого же стального цвета. Небо было тусклым, грязно-желтым, сам воздух, казалось, пропитался его оттенком. Шел дождь.

Это был застывший миг полного краха. И судя по акценту, именно выделяющийся из толпы силуэт столкнул этого человека в резервуар. Картина явно перекликалась с легендой о падении в реку Карцер, только антураж был другой.

Я оторвался от созерцания, обернулся к кровати, что стояла напротив комода, и представил себя с женщиной, лежащих на ней в паре метров за креслом. Представил, как мой сокамерник сидит, улыбается и слышит все наши звуки. И подумал, что такая обстановка приведет меня скорее к конфузу, чем к возбуждению. К тому же секс с ней, скорее всего, будет похож на секс с роботом из публичного дома. Наверняка это и будет робот, который просто меняет внешность. Когда-то давно я слышал, что такие игрушки разрабатываются, возможно, они уже есть. Но такого я не хочу. Нет, я не принадлежу к ярым противникам робосексуалов, но желания пробовать у меня никогда не возникало. Потому я махнул рукой и сказал:

– Ладно, от этого я пока воздержусь.

Виктор сидел вполоборота и растерянно смотрел на меня.

– Жень, ты же знаешь, что я не могу никуда деваться, – посетовал он. – Не буду же я в туалете сидеть.

Он махнул рукой в сторону белого современного унитаза рядом с такой же душевой и раковиной. Все это компактно расположилось в противоположном углу комнаты и скрывалось за перегородкой из мутного стекла.

Я вздохнул, подошел к своему креслу и положил руки на спинку.

– А давай лучше выпьем, – сказал я. – Хорошего коньяку.

Это прямо волшебство какое-то! Виктор написал запрос в планшете, как в приложении по доставке еды. И через пять минут заказ не принес курьер, нет, он просто возник перед нами на журнальном столике, словно все время здесь и стоял. Я с осторожностью и трепетом первооткрывателя откупорил душистый напиток. На закуску мы заказали много сыра и хамона. Всегда мечтал объесться этим досыта. Судя по уникальности доставки, еду тоже произвел компьютер. А может ее телепортировали из местной кухни?.. Но я не стал томиться в догадках, если честно – никогда не интересовался, как работают технологии. Главное, что на вкус она была нормальная. А бокалы были настолько чистые, что мои руки на фоне их показались мне очень грязными.

– За что будем пить? – спросил Виктор.

Он уже держал свою порцию наготове, пока я мыл руки в раковине.

– Даже не знаю... за что можно выпить в нашем положении, – сказал я, возвращаясь.

– Хм... а за что ты пил в обычной жизни?

Я на секунду задумался. В голове пронеслись какие-то банальности, совершенно бессмысленные теперь, и я раздраженно ответил:

– Давай обойдемся без тостов.

Я плюхнулся в кресло и взял бокал. Вдохнул букет, но он почему-то не вызвал у меня никакого предвкушения.

Виктор усмехнулся.

– Ладно, тогда будем честны друг перед другом. Выпьем за то, чтобы смерть пришла попозже, и мы сполна насладились нашими возможностями.

Звон бокалов и мы пьем. Коньяк вроде хороший, но я опять-таки не ощутил удовольствия. Виктор же напротив смаковал. После пары глотков и кусочка хамона на лице его застыло удовлетворенное выражение.

– Знаешь, я тут подумал... – Он пережевывал. – Кстати, еще 50 лет назад, когда люди активно строили гуманистическое общество, смертная казнь воспринималась дикостью. И только недавно в ряде стран сообразили, что поддерживать гуманизм можно эффективней, если люди станут бояться быть не гуманными. Некоторым народам просто сложнее адаптироваться под новые традиции из-за менталитета и старых установок, с которых переход был слишком резкий. Мы как раз такой народ. Но к чему это я?.. – Виктор застыл, копаясь в собственном рое мыслей. – Ага... А вот раньше, когда смертная казнь была еще популярна, существовала традиция, по которой осужденным разрешалось последнее желание. Например, хороший ужин. – Он повел рукой в сторону нашей еды. – Так вот, может, у нас это то же самое, только в умноженном масштабе? По крайней мере, почему бы так это не воспринимать?

Во время разговора Виктор причмокивал. Похоже, кусок мяса застрял у него в зубе, и он тщетно пытался достать его языком.

Мне вдруг стало противно от его самодовольства. Он сидел тут в своем смокинге, среди мебели богатых поместий девятнадцатого века, и разглагольствовал, словно все это была какая-то игра. Словно это было шоу, а он вдруг заделался его ведущим. Смерть ему была побоку, он не чувствовал ее привкуса. Единственное, что его сейчас занимало – это привкус хамона и коньяка. Но... почему я так не могу? Действительно, чего кичиться и создавать из этого романтическую трагедию, когда все, что от меня требуется – это просто расслабиться и насладиться «данными мне возможностями»?

– Жена, давай по второй, – нарушил тишину Виктор.

Я налил нам обоим, поднял бокал и произнес:

– За обращение.

– Что-что?

– За то, чтобы перед смертью мы обратились в тех, кем хотим быть.

– А-а, – понимающе кивнул собеседник. – Здесь ты можешь быть, кем захочешь.

Я выпил, вторая порция показалась насыщенной первой.

– Кем захочешь – это да, но я имею ввиду, чтобы стать самим собой. Хотя бы перед смертью, – сказал я.

Виктор откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди. Снисходительно улыбнулся, во взгляде сквозило пренебрежением.

– Ага, опять эти тщеславные мысли, – сказал он. – Бежать в будущее от теперешнего, стремиться к новым, наивным версиям себя. Эти иллюзии так чисты и прекрасны в своей дальней перспективе. Но все это от неспособности принять действительность.

Я опешил.

– Мне кажется, ты вообще не понял, о чем я говорил, – промолвил я, все еще держа в руке пустой бокал.

– Да нет, все я отлично понял, – сказал Виктор и продолжил мягко, будто пытался втолковать что-то туповатому ученику. – Вот ты говоришь, что хочешь стать самим собой, кто-то

жаждет стать новым я, улучшенной версией себя. Твой вариант поинтересней, но, по сути, они – одно и то же. Основа тут в самом стремлении, как неотъемлемой части человеческой сущности. В этом побеге в будущее, желании лучшей жизни и воздушных замков. Но разве сейчас передо мной сидишь не сам ты – со всеми своими изъянами и слабостями, несовершенством и парадоксами натуры? Это же и есть ты – настоящий, здесь, в этот момент... Или ты думаешь, что все эти наслоения – притворство, несоответствия – лишь шелуха, а *истинный ты*, словно эмбрион в банке, законсервирован где-то в глубине тебя и ждет удобного случая, чтобы показаться?! Чушь это все! В любой момент жизни мы являемся самими собой. И все наши недостатки, странности и противоречия – это и есть наша целостность, но без идеализирования. А принятие себя во всей многогранности ведет к непосредственному принятию реальности, к принятию «теперь». И тогда становятся необязательными воздушные замки будущего.

Виктор замолчал. Я удивился, как ему удалось говорить так ровно и слаженно, при этом не теряя высокопарность речи. В определенный момент во мне начала подыматься злость. Неужели этот парень решил меня жизни учить? А он немногим старше меня. Но я дал ему закончить и теперь не мог ничего сказать. В его словах был смысл. Принятие – вот, что мне сейчас нужно, все остальное уже неважно.

– Ты что какой-то профессор? – спросил я.

Вопрос прозвучал довольно грубо, хотя у меня уже пропал воинственный настрой.

– Да. Я был преподавателем истории в университете. – Он сложил ладони домиком на коленях, под стать своего образа.

Я налил нам еще коньяку.

– Как же так получилось, что ты оказался здесь? – спросил я, подавая ему бокал.

Мой жест был очень интеллигентным. Я будто сам заразился его манерами, стал проникаться общей атмосферой.

– О, моя история так банальна, что мне аж противно, – сказал Виктор. – Она столько раз повторялась в разных веках, проигрывалась в разных сюжетах...

Он запнулся и опустил взгляд на свои лакированные туфли. Затем мы выпили, на этот раз без тоста, и он продолжил:

– Ну что ж, с чего начать?.. У меня был роман на стороне с одной молодой девушкой. Она недолго была моей студенткой, потом перевелась в другой университет. Но нашу связь это не оборвало и все было в общем-то хорошо. Я все гадал – что же она во мне нашла? Может, состоятельность и статус, а может, душу и мудрость... Но проводили мы время очень неплохо. – Виктор лукаво усмехнулся. – Однако, как всегда бывает в таких историях – все рухнуло, идиллия длилась недолго. Еще Шекспир говорил: «У бурных чувств неистовый конец». Так вот, однажды жена чуть не уличила меня в измене. Я чудом выкрутился и решил, что пора покончить с этим. Пойми меня правильно – я любил жену. Хотя по правде сказать – еще больше я любил свою репутацию, свою размеренную жизнь... Но эта девушка – ее звали Марго – не хотела ничего завершать. Она всегда была немного истеричной, но тут полностью слетела с катушек. Угрожала, что покончит с собой, что все расскажет моей жене, что отправит всем преподавателям и студентам фотографии нас в постели – она любила делать такие фото, они у нее хранились в особой папке, и я конечно же сглупил, что позволил это... Еще она говорила, что убьет меня... И делала это не из сильных чувств, разъядавших ее изнутри, а из вредности. Опять-таки из-за тщеславной привычки контролировать все, с чем она контактирует. Из-за неспособности смириться с вольностью тех, кто, казалось, ей принадлежит – вот, что разъядало ее.

Виктор замолчал на некоторое время и стал потирать запястье. Я обновил наши бокалы и без слов предложил ему. На этот раз мы даже не чокались, он лишь кивнул и залпом выпил. И продолжал молчать, разглядывая пустой бокал невидящими глазами.

– И что было дальше? – наконец спросил я.

– Ты ведь уже догадался, – вздохнул Виктор.

– Догадался. Но я не люблю бежать впереди поезда. Особенно, если я заплатил за билет. К тому же я не знаю – как это произошло.

Мой сокамерник направил взгляд в сторону камина, но смотрел так, будто перед ним раскинулись невообразимые дали.

– Я убил ее. Но сделал это случайно, в порыве гнева. В смысле – это не было хладнокровно спланированное убийство... И в итоге потерял не только жену, репутацию и свой образ жизни, но и оказался здесь.

Он снова притих, рассматривая картину на каминной полке. Затем поднялся и подошел к ней поближе. Наверно, пытался отвлечь себя от темных мыслей.

Я редко испытываю сострадание к людям. И хоть я никогда и никому в этом бы не признался – в глубине души мне даже нравится наблюдать их мучения. Но сейчас, слушая историю этого человека, я неожиданно проникся к нему. Возможно, это было чувство общности перед гибелью, а может, это был коньяк. Но я смотрел на его крупную сутуленную фигуру и меня обуял внезапный порыв – мне захотелось подойти и по-товарищески обнять его. Да, наверно это все же коньяк. Он расслабил меня, и я впервые за долгое время почувствовал себя сравнительно хорошо.

Виктор стал прохаживаться взад-вперед возле камина, заложив руки за спину, и продолжил:

– Что ж, как я и говорил, история эта очень банальна. Убийство на почве страсти. Но это лишь при поверхностном рассмотрении. В ней есть много деталей, которые делают ее уникальной, лично моей.

После мы долго молчали. Виктор вернулся в свое кресло, стал хватать тонко нарезанный сыр и хамон, жевал вперемешку. Кусок сыра упал на его безупречные брюки, он небрежно смахнул его на пол. Мы еще выпили. Я все ждал, когда он задаст мне встречный вопрос, но собеседник долго выдерживал паузу. Наконец он заговорил:

– Теперь твоя очередь рассказывать историю.

Мне не очень хотелось с ним делиться, все-таки я впервые его вижу. Момент сентиментальной близости прошел.

– У меня она не такая интересная, все произошло быстро, – ответил я. – Я шел по улице в центре – поздно возвращался домой из гостей – и ко мне вдруг прицепился один парень. Как я потом узнал, он перся из какого-то клуба. Он был пьяный в стельку, стал нести какую-то чушь, потом вдруг взбесился и достал нож. Ты ж знаешь, как быстро меняется настроение у таких ребят... В общем, мне пришлось защищаться и в драке так получилось, что я убил его... Я его сильно порезал... от страха конечно, – я запнулся, подбирая слова. – Короче, это было убийство из самозащиты, но мне не повезло. Этот парень оказался сыном одной большой шишки из политики. И конечно, они все так обставили, будто я на него напал. Пытались даже приписать мне политические мотивы, но эта версия быстро лопнула, потому что под ней не было оснований. Тогда стали тянуть в сторону того, что я псих... Вот так все и вышло, – закончил я, разведя руками.

– А как им удалось доказать, что ты псих? – спросил Виктор.

– Они не доказали. Но меня это не спасло. – Я помедлил. – Они не утверждали, что я вообще был сумасшедшим, тогда бы меня отправили в психушку, а не приговорили к смертной казни. К тому же все видели, что я нормальный. Осознаю происходящее, не выдумываю каких-то безумных версий. Нет, их объяснение строилось на неожиданном нервном расстройстве. – Далее я сделал глумливый тон: – Типа, все мы можем взорваться. Во всех нас сидит что-то темное и жестокое, и на протяжении жизни мы это сдерживаем в себе, и можем даже не подозревать, и так далее... Просто потому, что не могли ничего другого придумать.

– И им удалось убедить в этом суд? – удивился Виктор.

Я махнул рукой.

– У них глубокие карманы, туда и весь суд поместился.

Виктор хмыкнул с задумчивым видом. После долгой паузы сказал:

– Да уж, вот так – одна случайность и жизнь сломана. Получается, что оба мы пострадали из-за других людей, которых случайно убили.

Я посмотрел на иллюзорные языки пламени в камине и слабо усмехнулся. Мне не очень понравилось такое сравнение наших ситуаций, но я ничего не сказал. На этот раз Виктор предложил выпить. Когда наши бокалы наполнились, он поднял свой и произнес:

– За то, чтобы прошлое не ранило нас, а наполняло силами.

Похоже, мой собеседник любит пофилософствовать. Ну что ж, это лучше, чем если бы он болтал лишь о том, как набил кому-нибудь морду или где-то что-то стырил, как мой предыдущий сокамерник. Хотя в идеале было бы сидеть с молчаливым соседом.

Вскорости мы допили коньяк, под конец налегли на закуску, и меня разморило. Я опьянел, потому что давно не пил, и захотел прилечь. Непонятно – день сейчас или ночь, комната была без окон, а телефоны заключенным запрещалось иметь. Может, это часть эксперимента – чтобы мы не знали, сколько прошло времени, чтобы оказались полностью отрезаны от прошлой жизни и остались наедине со своими желаниями.

У стены, невдалеке от комода стояли часы – высокие старинные. Но находились здесь скорее для декора, потому что стрелки их застыли на двенадцати и не двигались с тех пор, как я сюда попал.

Дверей здесь тоже не было, и я не помню, как оказался в этой комнате. Мне ввели снотворное, сказав, что путь в нее сверхсекретный. Очнулся я уже в кресле. Также они заявили, что искать потайной выход, в надежде сбежать – это глупейшее занятие. Во-первых – я его никогда не найду, во-вторых – потрачу драгоценное время, отпущенное на приятные вещи. А даже, если случится чудо, выход этот так запечатан, что я никакими силами не смогу его открыть, потому что любые желания, загаданные в комнате, не имеют на него влияния.

Я без всякого стеснения разделся до трусов. Сперва хотел сложить свою тюремную форму в комод, но после раздумал и бросил ее прямо на пол. Долой эту рухлядь, надо и себе что-нибудь заказать, подходящее к обстановке, например, фрак или сюртук. И еще цилиндр – вещи не из моей эпохи, которые я никогда в жизни не надевал.

Я лег на кровать и укрылся белоснежным одеялом. На фоне его мое тело показалось мне очень смуглым. В захмелевшем мозгу проскользнула мысль:

«А еще называем себя белыми...»

Это была массивная двуспальная кровать с ажурными металлическими спинками. По их углам тоже красовались бронзовые головы животных, только тут это были волки, оскалившие пасть.

Виктор снял смокинг и брюки, и повесил их в шкаф. Дверцы его были покрыты округлыми золотистыми узорами. Подошел к кровати с противоположной стороны и стал медленно расстегивать белую рубашку. Я сначала лег на бок, спиной к нему, но затем обернулся и спросил с угрозой:

– Ты ж часом не из тех ребят?

Виктор усмехнулся так, словно его не оскорбили, а сделали комплимент.

– Женя, здесь я могу получить любую женщину, какую только захочу, потому зачем мне ты.

Я с облегчением рассмеялся. Не хватало еще перед смертью такого сюрприза.

Виктор потушил свет и только огонь в камине, скрываясь за креслами от моего взгляда, играл тенями на потолке. Вскорости я уснул.

2

«Здесь я могу получить любую женщину, какую только захочу»

Эти слова Виктора снова прозвучали в моей голове и я проснулся. Обстановка в комнате ничуть не поменялась, потому совершенно непонятно – сколько прошло времени. Виктор рядом тихо похрапывал. Я чувствовал, что выспался, но когда пошевелился, ощутил небольшое давление на голову и понял, что это похмелье. Скорее всего, я проспал немного часов и решил еще некоторое время просто полежать.

Мысленно я вернулся к фразе Виктора. Он прав, действительно любую. Мне дана такая удивительная привилегия, и неизвестно, когда мой срок истечет и эту привилегию у меня отнимут. Это может произойти, когда угодно и лучше не мешкать. Подумать только, я могу исполнить любое свое желание, а вместо этого трачу время на попойку с сокамерником. Как всегда в своей жизни, стараюсь довольствоваться малым, вместо того, чтобы стремиться к большему. Я вспомнил вчерашние беседы, как я рассказал свою историю и поморщился от неожиданно уколотившего стыда. Но это был похмельный стыд, не имевший объективных причин.

С минуту я лежал, ни о чем не думая и наблюдая за пляской теней на потолке, а после в голову полезли мысли о сексе. Как часто бывает с похмелья, я сразу возбуждился. Перед глазами возникли постельные сцены – особо запомнившиеся моменты с несколькими женщинами, с которыми я был очень давно. И я почувствовал жуткое томление во всем теле. Настолько сильное, что я был уже не в состоянии его отогнать. И плевать, что это будет робосексуализм, если это будет похоже на реальность. Но нужно воспользоваться ситуацией, пока Виктор спит. Может, мне повезет, и он не проснется раньше времени.

Я встал и быстро пошел к камину. Взял в руки планшет с журнального столика, уселся в кресло и задумался – какую женщину все-таки выбрать. Сперва передо мной встало обилие вариантов, но я немедленно отсекал старых знакомых, даже тех, кого в одно время сильно хотел. Как и раньше, я остановился на знаменитостях, но и их было вдоволь в моем списке желаний, так что я растерялся. После пары минут наверно приятнейших в моей жизни размышлений, я выбрал Дженнифер Сатерен – американскую актрису начала двадцать первого века. В молодости очень милую и красивую на любых фотографиях, которые я видел, даже без макияжа. И хоть она умерла несколько лет назад, будучи старой, я предпочел ее некоторым современным претенденткам, потому что встреча с ней в реальном мире вообще невозможна. А с ныне живущими есть хотя бы шанс один из миллиона.

Я написал запрос в планшете.

«Какой она должна быть?» – спросила программа.

«Пусть она будет собой, но у нее будет страсть ко мне» – написал я и мое сердце заколотилось быстрее.

«Она понимает, что происходит и где она находится?»

Я представил, как Дженнифер с томной улыбкой говорит: «Я пришла утолить твоё последнее желание» и решил, что не хочу так.

«Нет, пусть это будет романтический вечер. Она не знает – где она, не знает – кто я, но ее это не волнует»

Затем последовал ряд технических вопросов: сколько ей лет, какая на ней одежда и так далее. Еще я заказал бутылку вина и клубники, как это не банально. И толстый мягкий ковер, чтобы мы легли на него перед камином. Программа сказала ждать около десяти минут.

Я себе места не находил, в голове прокручивались разные сценарии развития событий. Я ходил из угла в угол возле камина, но заставил себя сесть в кресло и успокоиться. В первую очередь, чтобы не разбудить Виктора, да и нервы мне совсем ни к чему перед этим делом. Я посмотрел на свои руки и увидел, что их бьет мелкая дрожь. Попытался ровно дышать и

вдруг заметил, что сижу в одних трусах! Я совсем забыл заказать одежду, но уже точно не успею. Я оглядел свое тело – оно стало бледным и хилым за несколько месяцев тюрьмы – и понял, что встречать Дженнифер Сатерен в таком виде не годится. Медленно подкрался к кровати и подобрал с пола свою серую тенниску из грубой ткани и такие же брюки. Взглянул на Виктора – он перевернулся на бок, спиной к камину и уже не храпел. Что ж, даже если мой сокамерник проснулся, то он человек воспитанный и сделает вид, что спит. Сам-то наверняка уже порезвился с девчонкой, пока меня не было, может, и не с одной.

Я вернулся к креслу, тихо оделся и вдруг подумал, что не сходил в душ. Привычка мыться перед сексом была для меня такой же естественной, как ходить в туалет перед сном, когда я был на свободе. Я посмотрел в сторону душевой. Нет, шум воды точно разбудит Виктора. Да и чего я так переживаю, эта барышня не настоящая, ей абсолютно наплевать. Притом я помылся и мне выдали чистое белье менее, чем сутки назад, в перерывах между тестами.

Я сел и стал ждать, руки уже не тряслись. Спихватился, что забыл указать язык общения – чтобы Дженнифер говорила по-русски, а то мое владение английским на крайне низком уровне. Но они это наверняка учили, не зря же я проходил все эти тесты. Они знают обо мне все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.